

О. Ф. МИЛЛЕР

Славянофилы и Катков *

Следуя установившемуся университетскому обычаю — поминать на лекции каждого из умирающих крупных литературно-общественных деятелей, я в свое время посвятил особые чтения Ю. Ф. Самарину и И. С. Аксакову¹. Я поминал их с глубоким сочувствием, следуя, как известно, общим основам того направления, представителями которого они были. Направление это, дорогое уму моему и сердцу, нередко смешивается с тем, совершенно иным направлением, которому следовал М. Н. Катков. То и другое безразлично принимается многими за народно-русское направление (за границей называют его исповеданием *de vieux partie russe, der alt-russischen Partei* **). Я, как убежденный последователь Хомякова, Самарина и Аксаковых, всегда вставал против такого смешения и обязан снова коснуться этого вопроса по случаю смерти Каткова.

Хомяков, Самарин, Аксаковы утверждали, что государство почерпает свою настоящую силу в настоящем общении с землею, в узнавании от нее же самой ее нужд и стремлений, возможном только при свободе голоса земли. Катков предоставлял государству его собственным средствам, той самодовлеющей власти, которая, выдаваемая за сильную, часто оказывается прямо слабою, потому что опирается только на служилых людей; они же, руководствуясь своими личными выгодами, не заботятся о знании родной земли, о внимании к ее голосу, так и не достигающему чрез их посредство до верховной власти. Понятие Каткова о государстве было не то русское понятие, какое исповедывал перед Петром Великим, следуя родным земским преданиям, Посошков, голос которого, вполне сочувственный

* Воспроизведено на основании сказанного в С.-Петербургском университете.

** Старорусская партия (*фр., нем.*). — *Ред.*

просветительской реформе, но не сочувственный проведению ее без всякого спроса у земли, так и заглох у нас, пока не раздался снова в учении славянофилов. Тот государственный тип, к которому обратился Катков от прежнего своего увлечения западным конституционализмом, был старый, по преимуществу немецкий тип полицейского государства, усвоенный нами вместе с Петровской реформой. Из-за него отчасти выглядывал у Каткова и тот византийский государственный тип, который являлся для нас политическим соблазном в ту древнюю пору, когда, по меткому выражению покойного митрополита Макария, греки играли у нас роль, впоследствии перешедшую к немцам. Попав на свою новую точку зрения, Катков, со свойственным ему упорством, все более и более становился глашатаем возвращения к поре, предшествовавшей прошлому царствованию с теми его *новизнами*, в которых, по выражению старообрядческого адреса покойному Государю, слышалась нам наша народная *старина*. Чем далее, тем решительнее преследовал Катков великую эпоху нашего возрождения, остававшуюся в общих своих чертах всегда дорогою Аксакову. Катков даже умышленно обмолчал 25-летнюю годовщину освобождения крестьян, — этого величайшего дела покойного Государя, дела, постоянно превозносившегося Аксаковым. Если мне заметят, что я не слишком несдержанно отношусь к памяти Каткова, говоря, так сказать, на свежей еще могиле, то я отвечу, что Катков совсем не щадил той памяти, которая чем дальше, тем больше будет становиться нашей народной святыней, памяти того, чья могила должна быть для нас всегда неизменно свежа и драгоценна. Не прямым ли вызовом со стороны Каткова русскому патриотическому чувству было то, что он обозвал «добродушным поэтом мечтателем» наставника покойного Государя, внушавшего ему, что «святейшее из званий — человек»; обозвал после чествования 100-летней годовщины Жуковского, обратившегося в общественное чествование того, чья священная кровь остается «на нас и на чадах наших».

Заслуги, часто приписываемые Каткову в политике внешней, вполне подрываются господствующим направлением его политики внутренней. Стремясь свести Россию с того пути, на который стала она в прошлое царствование — пути освобождения ее народных и общественных сил, на тот прежний путь, исходною точкою которого служило увлечение чуждым нам строем немецкого полицейского государства, устарелым и на месте его происхождения, Катков мог только подрывать политическую мощь России, лишать ее голос в международных делах

всякой силы и всякого веса, а тем самым действовать в руку нашим врагам, которые только по крайнему недоразумению считали его опасным для них человеком.

Высказываясь таким образом о Каткове, я знаю, что для некоторых имя его неприкосновенно, что для них немислим какой-либо суд над ним. Но я держусь того «права мнения и сомнения», которое, по словам Хомякова, должно безусловно принадлежать университетской кафедре. Вообще же я, как известно, руковожусь, всегда и везде, тем понятием о свободе слова, которое является краеугольным камнем так называемого славянофильства. По этому понятию, говорю это в напутствие моим лекциям вообще, свобода слова представляется не только *правом*, но и *обязанностью* каждого гражданина. Как право, свобода слова по такому понятию, не есть что-либо, даруемое и отнимаемое по человеческому велению, она есть природный дар Божий, на который не может посягать никакая земная сила. Понятие это выразилось в известных стихах:

Ведь положите на разум цепи,
И слово может умертвить
Лишь Тот, кто властен вихрю в степи
И солнцу в небе запретить*.

Но это было заветное понятие той земской Руси, которая, предоставленная самой себе, спасла государство в смутную пору. Голос ее слышится в словах, со всею полнотою исторического значения вложенных в уста Минину нашим народным драматургом** и служащим у него ответом Минина на угрозу, что его заставят наконец замолчать:

Не замолчу. На то мне дан язык,
Чтоб говорить. И говорить я буду
По улицам, на площади, в избе
И пробуждать, как колокол воскресный
Уснувшие сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не так. Не хочешь слушать,
Я не неволю — не люблю, не слушай;
А замолчать меня заставить трудно.

Так всегда душа в таком духе действовал, вслед за своими предшественниками, и И. С. Аксаков. И я, по мере сил моих, останусь верен такому взгляду до последнего моего издыхания.

Ор. Миллер

* Гр. Голенищев-Кутузов.

** А. Н. Островский.

Письмо редактору. Принося редакции «Русского курьера» мою искреннюю благодарность за статью обо мне и об отношениях ко мне «Гражданина», я обращаюсь к почтенной редакции с предложением — напечатать, если она найдет это возможным, прилагаемую мною статейку, заключающую в себе воспроизведение по памяти сущности того, что сказал я о Каткове в университете. Напечатанием этой статейки редакция сделала бы мне большое одолжение. Примите и проч.*

26-го сентября, 1887
Ор. Миллер

---

* Редакция нашла возможность удовлетворить просьбу почтенного профессора, находя критическую оценку его взглядов славянофильства и соответственно с этими взглядами публицистической деятельности М. Н. Каткова не лишним вкладом в общую критику по указанным предметам и в интересах более всестороннего освещения их.